

КНЯЗЬ ДАНДРЕЙ

И ЕГО ПРОЕКТ
ВЕЛИКАЯ РУСЬ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2026

УДК 929(470):72
ББК 63.3(2)43-8+85.374(2)
К54

К54 **Князь Андрей и его проект Великая Русь.** — Москва : Родина, 2026. — 224 с. — (Главная кинопремьера года).

ISBN 978-5-00222-827-0

Князь Андрей Боголюбский (1111—1174) — сын Юрия Долгорукого и половецкой княжны, внук Владимира Мономаха, стал одним из величайших политических деятелей Древней Руси. Вернувшись из странствий по Византии, он мечтал превратить родной Суздаль в процветающий центр Руси. В годы междоусобной борьбы Рюриковичей юный княжич превратил Суздаль в княжество с сильной экономикой, мощными крепостями и белоснежными церквями. В результате деятельности этого князя центр Древней Руси переместился из Киева во Владимир. За это историки нередко называют его основателем современной России.

Полководец, политик, строитель городов, князь Андрей в 1169 году совершил успешный поход на Киев, но отказался княжить в стольном граде на Днепре, вернувшись во Владимир. Став могущественным правителем Руси, князь Андрей обрел сильных и коварных врагов, которые плели интриги и строили козни...

Его жизнь была посвящена укреплению княжества, военным походам и строительству городов и храмов, среди которых особое место занимает храм Покрова на Нерли, ставший впоследствии олицетворением периода расцвета Владимиро-Суздальского княжества. Гибель князя Боголюбского стала настоящей детективной историей, а имена заговорщиков были установлены археологами лишь много столетий спустя, уже в наше время. В книге собраны самые захватывающие материалы современных историков о князе Андрее Боголюбском и его времени, благодаря которым читатель сможет погрузиться в подлинную атмосферу величественного и трагического русского XII века.

УДК 929(470):72
ББК 63.3(2)43-8+85.374(2)

ISBN 978-5-00222-827-0

© Алдонин С., составитель, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

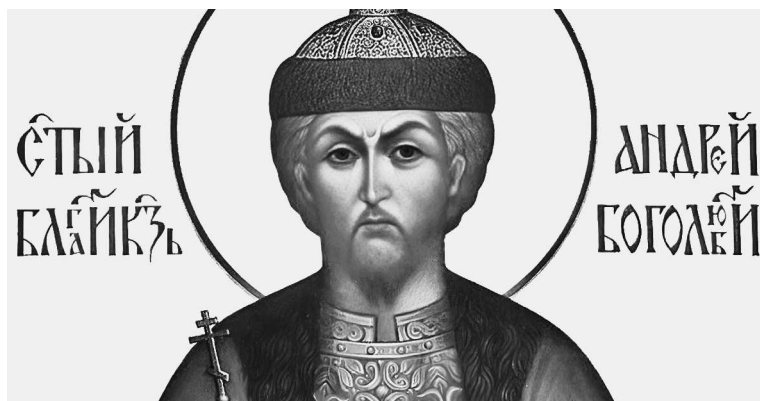
СОДЕРЖАНИЕ

Николай Карамзин. КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКИЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГОЛЮБСКИМ	6
Василий Ключевский. КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ ...	42
Николай Костомаров. КНЯЗЬ АНДРЕЙ	65
Дмитрий Иловайский. КНЯЗЬ АНДРЕЙ И ЕГО ЭПОХА ...	101
Василий Георгиевский. БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ ..	132
Ольга Глаголева. КНЯЗЬ АНДРЕЙ И ПРАЗДНИК ПОКРОВА	218

Николай Карамзин.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКИЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГОЛЮБСКИМ

Андрей Георгиевич, не заботясь о России южной, желал господствовать в северной единовластно и присвоить себе древнюю столицу Рюрикову, то есть выгнать оттуда сыновей Великого Князя: Святослава Ростиславича из Новгорода, а Давида из Торжка. Не доброхотствуя отцу их, Андрей вступился за Изяслава и помолвил дочь свою за его племянника, Святослава Владимировича, осаждаемого тогда Князем Черниговским в городе Вщиже. Роман и Рюрик, сыновья Великого Князя, Владетель Северский с братом, Полочане и дружина Галицкая была с Святославом Ольговичем; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идет отразить их от Вщижа, союз-

Князь Андрей Боголюбский

ники склонились к миру, и Святослав Черниговский снял осаду, клятвенно обвязав племянника чтить его как старшего в роде. — Андрей съехался с Изяславом в Волоке Ламском, праздновал там свадьбу дочери и послал сказать Новгородцам, что он намерен искать их Княжения, не любит кровопролития, но готов воевать в случае сопротивления. Чиновники объявили о том народу. Слава Андреева давно гремела в России: Новгородцы пленились мыслию повиноваться столь знаменитому Князю; однако ж, не имея причин жаловаться на своего, не вдруг прибегнули к средствам насилия: сперва сказали, что область Новгородская никогда не имела двух Князей и что Давид должен оставить Торжок; когда же Святослав Ростиславич, угождая им, велел брату выехать оттуда в Смоленск, они решились, без дальнейших околичностей, взять его под стражу. Уведомленный о сем намерении, Святослав не хотел верить. «Вчера (говорил он Боярам) граждане любили меня; вчера я слышал их клятвы, видел общее усердие». В самое то время народ вломился во дворец, неволею послал Князя в Ладогу, запер его жену в монастырь, разграбил казну, оковал дружину. Андрей отправил племянника, Мстислава, Наместником в Новгород; а Святослав Ростиславич ушел из Ладоги к отцу, который в первую минуту гнева велел заключить в душную темницу всех купцов Новгородских, бывших в Киеве; но выпустил и разослал их по городам, сведав с прискорбием, что некоторые из них скоропостижно умерли в одной. Хотя Великий Князь досадовал на Андрея Суздальского, однако ж не думал мстить ему кровопролитием и желал спокойствия.

К несчастью, он не мог удовлетворить своему искреннему миролюбию. Видя, что Андрей, довольный приобретением Новгорода, не расположен воевать с Великим Князем, беспо-

койный Изяслав снова обратился к Половцам и нашел единомышленника в непостоянном Святославе Всеволодовиче; их сторону взяли также некоторые Бояре Киевские и Черниговские, хотевшие неустройства: ибо зло общее бывает иногда частною выгодою. Святослав Ольгович послал сына своего, Олега, в Киев, где Великий Князь желал дружелюбно угостить его. Клеветники уверили сего юношу, что Ростислав тайно готовит ему темницу, и легкомысленный Олег, не сказав ни слова отцу, пристал к Изяславу Давидовичу и Князю Северскому. Святослав душевно оскорбился вероломством сына и племянника в рассуждении Великого Князя; но коварные его Вельможи старались очернить Ростислава. «Знай (говорили они своему Князю), что Духовник Ростиславича ездил из Смоленска к Изяславу и предлагал ему Чернигов: Государь Киевский притворяется другом твоим, но помогает тебе лениво, и до сего времени ты не видал никакой пользы от его союза». Обманутый клеветою, Черниговский Князь взял сторону брата; однако ж сам не хотел участвовать в войне. Изяслав с союзниками ополчился; стоял две недели под стенами Переяславля, убеждая зятя своего, Глеба Георгиевича, вооружиться против Великого Князя; не успев в том и, видя Ростислава готового к битве, удалился. Но вторичное его предприятие было счастливее: в течение зимы [1161 г.] усиленный множеством Половцев, он переправился за Днепр выше Киева и приступил к Подолу, огражденному высоким тыном. Тут началось сражение. Половцы во многих местах рассекли ограду, ворвались в улицы и зажгли дома. Окруженные пламенем, дымом и мечами варваров, Киевляне с Берендеями в ужасе бежали на гору к Златым вратам каменной стены. Тогда Великий Князь, приняв совет дружины, оставил Киев и заключился в Белгороде, ожидая скорой помощи.

Изяслав вступил в Киев, освободил там многих друзей своих, бывших под стражею, и спешил осадить Белгород. Великий Князь сжег деревянные укрепления, или острог, и четыре недели оборонялся в крепости. Напрасно Святослав Черниговский склонял брата к общему миру, советуя ему снять осаду, возвратиться за Днепр и ждать всего от справедливости. Изяслав отвечивал его Послам: «Ежели уйду за Днепр, то союзники оставят меня. Что ж будет со мною? В степях ли Половецких найду для себя область? Лучше умру здесь от меча, нежели от голода на берегах Сейма». Он говорил смело, но действовал малодушно: ибо, услышав, что Торки, Берендеи, Печенеги Росьские, Мстислав Волынский и Галичане идут в помощь к Великому Князю, Изяслав бежал и погиб без мужественной обороны: неприятельский всадник, именем Выйбор, рассек ему саблею голову. Великий Князь и Мстислав нашли его плавающего в крови и не могли удержаться от слез искренней горести. «Вот следствие твоей несправедливости! — сказал первый, — недовольный областию Черниговскою, недовольный самым Киевом, ты хотел отнять у меня и Белгород!» Изяслав не отвечивал, но просил воды; ему дали вина — и сей несчастный Князь, взглянув дружелюбно на врагов сострадательных, скончался [6 марта 1161 г.]. Пишут, что он в битвах обыкновенно носил власяницу брата своего, Николая Святоши, а в сей день почему-то не хотел надеть ее. Разбив Половцев, Олегову дружину, Черниговскую и Князя Северского, взяв их обозы, победители отослали в Чернигов тело Изяслава, искренно оплаканного братом Святославом и еще искреннее Иоанном Берладником. Сей злополучный Галицкий Князь, утратив в Изяславе единственного своего покровителя, уехал в Грецию и кончил горестную жизнь в Фессалонике, отравленный ядом, как думали современники. Великий Князь, не желая мстить ни Святославу

Ольговичу, ни гораздо виновнейшему Северскому Владетелю, некогда им облагодетворенному, удовольствовался их новою присягою и нашел способ дружелюбно разделаться с Андреем, который добровольно уступил ему Новгород, изведав беспоконную строптивость его жителей. Обузданные согласием двух сильных Государей, они молчали, и Святослав Ростиславич возвратился управлять ими.

[1162–1163 гг.] Мирясь с неприятелями, Ростислав оскорбил знаменитейшего друга своего и племянника, Мстислава Волынского, который возвел его на престол и удержал на оном. Великий Князь отдал ему в поместье Белгород, Триполь, Торческ как будущему наследнику всей Киевской области. Но пылкий Мстислав начал, кажется, прежде времени господствовать в оной самовластно, не хотел слушать выговоров дяди и, с гневом уехав в Волынию, старался угрозами преклонить к себе Владимира Андреевича, княжившего в Пересопнице. Сей последний отвечал ему: «Ты властен завоевать мою область, и я готов скитаться в бедности с детьми своими по землям чуждым; но буду всегда душою и сердцем за Ростислава». Огорченный злобою племянника, Великий Князь отнял у него города днепровские, но с радостию возвратил ему оные, когда Мстислав одумался и прибегнул к дяде с извинениями. — Столь же великодушно поступал Великий Князь и с другими, ближними и дальними родственниками. Меньший его брат, Владимир Мстиславич, упорный союзник Изяслава Давидовича, самовольно властвовал в Слуцке: Ростислав принудил Владимира выехать оттуда, но дал ему пять городов Киевских; а внуку Вячеславу, именем Роману, два города в Смоленской области, Васильев и Красный. Мы говорили о Туровском Владетеле, Юрии Ярославиче, внуке Святополка-Михаила: отверженный

от союза двух тогда господствующих Домов Княжеских, Мономахова и Черниговского, он держался единственно своим мужеством и счастливо отразил приступ соединенных Князей Волынских, хотевших, подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его из Турова. Великий Князь, любя справедливость, заключил с ним мир. — Тишина внутренняя была тем нужнее, что внешние неприятели, Ляхи, в сие время беспокоили западную Россию и грабили в окрестностях Червена.

Андрей Георгиевич, ревностно занимаясь благом Суздальского Княжения, оставался спокойным зрителем отдаленных происшествий. Имея не только доброе сердце, но и разум превосходный, он видел ясно причину государственных бедствий и хотел спасти от них по крайней мере свою область: то есть отменил несчастную Систему Уделов, княжил единовластно и не давал городов ни братьям, ни сыновьям. Может быть, Бояре первых осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать в правлении Князей юных, грабить землю и наживаться. Некоторые думали также, что он незаконно властвует в Суздале, ибо Георгий назначил сие Княжение для меньших детей; и что народ, обязанный уважать волю покойного Государя, не мог без вероломства избрать Андрея. Может быть, и братья сего Князя, следуя внушению коварных Бояр, изъявляли негодование и мыслили рано или поздно воспользоваться своим правом. Как бы то ни было, Андрей, дотоле кроткий во всех известных случаях, решился для государственного спокойствия на дело несправедливое, по мнению наших предков: он выгнал братьев: Мстислава, Василька, Михаила; также двух племянников (детей умершего Ростислава Георгиевича) и многих знатнейших Вельмож Долгорукого, тайных своих неприятелей. Мстислав и Василько Георгиевичи, вместе

с их вдовствующею родительницею, мачехою Андрея, удалились в Константинополь, взяв с собою меньшего брата, осьмилетнего Всеволода (столь знаменитого впоследствии). Там Император Мануил принял изгнанников с честью и с любовью; желал их утешить благодеяниями и дал Васильку, по известию Российских Греческих Летописцев, область Дунайскую.

[1164–1166 гг.] В России южной кончина Святослава Черниговского произвела несогласие между сыном его и племянником. Святослав, достопамятный своею привязанностию к несчастному брату Игорю и миролюбием, оставил наследникам великое богатство. Старший его сын, Олег, находился в отсутствии. Черниговский Епископ Антоний и Вельможи собрались к горестной овдовевшей Княгине и, боясь хищного Владетеля Северского, решились таить смерть Святослава до Олегова возвращения. Все дали в том клятву, и во-первых Епископ, хотя Бояре говорили ему: «Нужно ли целовать крест Святителю? Любовь твоя к Дому Княжескому известна». Но Святитель был Грек, по словам Летописца: хитер и коварен. Он в тот же час написал к Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нет в городе; что Княгиня с меньшими детьми в изумлении от горести и что Святослав найдет у нее сокровища несметные. Сей Князь немедленно отправил сына занять Гомель, а Бояр своих в другие Черниговские области; и сам хотел въехать в столицу. Олег предупредил его; однако ж добровольно уступил ему Чернигов, взяв Новгород Северский. Святослав клялся наградить братьев Олеговых иными Уделами и, забыв обет, присвоил себе одному города умершего внучатного брата, сына Владимирова, Князя Вщижского. С обеих сторон готовились к войне. Святослав уже звал Половцев; но Великий

Князь, будучи тестем Олеговым, примирил ссору и заставил Святослава уступить Олегу четыре города.

Ростислав не мог успокоить одних Владетелей Кривских, или Полоцких. Глебовичи, нарушив мир, нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошних Князей, Брючислава и Володшу Васильковичей, в оковы. Рогволод Полоцкий, требуя защиты Государя Киевского, осадил Минск и, стояв там шесть недель, освободил Васильковичей мирным договором; а после, желая отнять Городок у Володаря Глебовича, сам утратил Полоцк, где народ признал своим Владетелем его племянника двоюродного, Всеслава Васильковича. Сын Великого Князя, Давид, господствуя в Витебске, должен был вступить за Всеслава, изгнанного мятежным Володарем, и снова ввел его в Полоцк, к удовольствию народа. В сих ничтожных, однако ж кровопролитных распрях Литовцы служили Кривским Владетелям как их подданные.

Давно Россияне, притупляя мечи в гибельном междоусобии, не имели никакой знаменитой рати внешней: Андрей, несколько лет наслаждавшись мирным спокойствием, вспомнил наконец воинскую славу юных лет своих и выступил в поле, соединясь с дружиною Князя Муромского, Юрия Ярославича. Оскорбленный соседственными Болгарами, он разбил их войско многочисленное, взял знамена и прогнал Князя. Возвратясь с конницею на место битвы, где пехота Владимирская стояла вокруг Греческого образа Богоматери, привезенного из Вышегорода, Андрей пал пред святою иконою, слезами изъявил благодарность Небу и, желая сохранить память сей важной победы, устави́л особенный праздник, доньне торжествуемый нашею Церковию. Россияне завладели на Каме славным Бол-

гарским городом Бряхимовом и несколько других городов обратили в пепел.

В сие же лето Новгородцы одержали победу над Шведами, которые, овладев тогда Финляндию, хотели завоевать Ладогу и пришли на судах к устью Волхова. Жители сами выжгли загородные дома свои, ждали Князя и под начальством храброго Посадника, Нежаты, оборонялись мужественно, так что неприятель отступил к реке Вороной, или Салме. В пятый день приехал Святослав с Новгородским Посадником Захариею, напал на Шведов и взял множество пленников; из пятидесяти пяти судов их спаслись только двенадцать.

В окрестностях Днепра Половцы не переставали злодействовать и грабить: чтобы унять их, Ростислав призвал многих Князей с дружинами. Казалось, что он хотел, подобно деду, Мономаху, прославить себя важным предприятием и надолго смирить варваров; но войско союзное пекулось единственно о безопасности судоходства по Днепру и, несколько времени стояв у Канева, разошлось, когда флот купеческий благополучно прибыл из Греции. — Зато Северский Князь и брат Черниговского при наступлении зимы, отменно жестокой, с малочисленною дружиною дерзнули углубиться в степи Половецкие; взяли станы двух Ханов и возвратились с добычею, серебром, золотом.

Ростислав, уже престарелый, всего более заботился тогда о судьбе детей своих: несмотря на слабое здоровье, он поехал в область Новгородскую, чтобы утвердить Святослава на ее престоле. Угощенный зятем Олегом в Чечерске, Великий Князь имел удовольствие видеть искреннюю любовь Смолян, которых Послы встретили его верст за 300 от города. Сын Роман, внуки, Епископ Мануил вместе с народом приветствовали

добротого старца: Вельможи, купцы, по древнему обыкновению, сносили дары Государю. Утомленный путем, он не мог ехать далее Великих Лук и, призвав туда знатнейших Новгородцев, взял с них клятву забыть прежние неудовольствия на сына его, никогда не искать иного Князя, разлучиться с ним одною смертию. Щедро одаренный ими и Святославом, успокоенный их согласием, Великий Князь возвратился в Смоленск, где Рогнеда, дочь Мстислава Великого, видя изнеможение брата, советовала ему остаться, чтоб быть погребенным в церкви, им сооруженной. «Нет, — сказал Ростислав, — я хочу лежать в Киевской Обители С в. Феодора, вместе с нашим отцом; а ежели бог исцелит меня, то постригуся в монастыре Феодосиевом». Он скончался [14 марта 1167 г.] на пути, тихим голосом читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы Христианского умиления.

Сыновья Ростислава, брат его Владимир, народ Киевский и Черные Клобуки — исполняя известную им последнюю волю умершего Великого Князя — звали на престол Мстислава Волынского. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряжениями в своем частном Уделе, поручил Киев племяннику, Васильку Ярополковичу, прислал нового Тиуна в Киев и скоро узнал от них, что дядя его, брат Ярослав, Ростиславичи и Князь Дорогобужский Владимир Андреевич, заключив тесный союз, думают самовольно располагать областями: хотят присвоить себе Брест, Торческ и другие города. Мстислав оскорбился; призвал Галичан, Ляхов и выступил к Днепру с сильною ратиею. Усердно любив отца, Киевляне любили и сына, знаменитого делами воинскими; народ ожидал Мстислава с нетерпением, встретил с радостиею, и Князья смирились. Только Владимир Мстиславич, малодушный и вероломный, дерзнул обороняться в Вышегороде: Великий Князь мог бы наказать мятежника; но, желая тишины, уступил ему Котелницу и через

несколько дней сведал о новых злых умыслах сего дяди. Владимир хотел оправдаться. Свидание их было в Обители Печерской. «Еще не обсохли уста твои, которыми ты целовал крест в знак искреннего дружества!» — говорил Мстислав и требовал вторичной присяги от Владимира. Дав оную, бессовестный дядя за тайну объявил Боярам своим, что Берендеи готовы служить ему и свергнуть Мстислава с престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвopеступнику. «И так отроки будут моими Боярами!» — сказал он и приехал к Берендеям, подобно ему вероломным: ибо сии варвары, быв действительно с ним в согласии, но, видя его оставленного и Князьями, и Боярами, пустили в грудь ему две стрелы. Владимир едва мог спастись бегством. Гнушаясь сам собою, отверженный двоюродным братом, Князем Дорогобужским, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился к Андрею Суздальскому, который принял его, но не хотел видеть; обещал ему Удел и велел жить в области Глеба Рязанского. Мать Владимирова оставалась в Киеве: Мстислав сказал ей: «Ты свободна: иди куда хочешь! но могу ли быть с тобою в одном месте, когда сын твой ищет головы моей и смеется над святостию крестных обетов?»

Андрей тогда же принял к себе и другого изгнанника, Святослава Ростиславича. Новгородцы — думая, что смерть отца Святославова разрешила их клятву, — в тайных ночных собраниях умыслили изгнать своего Князя. Сведав заговор, Святослав уехал в Великие Луки и велел объявить Новгородцам, что не хочет княжить у них. «А мы не хотим иметь тебя князем», — ответствовали граждане, клялися в том иконою Богоматери и выгнали его из Лук. Святослав бежал в Суздальскую область и, с помощью Андрея обратив в пепел Торжок, грабил окрестности. С другой стороны Князь Смоленский, отмщая за брата,

выжег Луки. Бедные жители стремились толпами в Новгород, требуя защиты. Могущественный Андрей, действуя согласно с Романом Смоленским и Всеславом Полоцким, хотел, чтобы Новгородцы смирились пред Святославом. «Вам не будет иного Князя», — говорил он с угрозами. Но упрямый народ презирал оные; убил Посадника и двух иных друзей Святославовых; готовился к обороне и просил сына у Великого Князя Мстислава, обещаясь умереть за него и за вольность. Едва Послы Новгородские могли проехать в Киев: ибо на всех дорогах стерегли их и ловили как злодеев. Между тем в Новгороде начальствовал умный Посадник Якун и заставил Святослава удалиться от Русы: сей Князь, имев сильное войско союзное, не дерзнул вступить в битву, довольный разорением многих селений, и чрез два года умер, хвалимый в летописях за его добродетель, бескорыстие и любовь к дружине.

[1168 г.] Несколько месяцев Новгород сиротствовал без Князя, с нетерпением ожидая его из Киева. В сие время Мстислав был занят воинским предприятием. В торжественном собрании всех Князей союзных он сказал им: «Земля Русская, наше отечество, стенает от половцев, которые не пременили доньше их древнего обычая: всегда клянутся быть нам друзьями, берут дары, но пленяют Христиан и множество невольников отводят в свои вежи. Нет безопасности для купеческих судов наших, ходящих по Днепру с богатым грузом. Варвары думают совершенно овладеть торговым путем Греческим. Время прибегнуть к средствам действительным и сильным. Друзья и братья! Оставим междоусобие; воззрим на Небо, обнажим меч и, призвав имя Божие, ударим на врагов. Славно, братья, искать чести в поле и следов, проложенных там нашими отцами и дедами!» Все единодушно изъявили согласие умереть

за Русскую землю, и каждый привел свою дружину: Святослав Черниговский, Олег Северский, Ростиславичи, Глеб Переяславский, Михаил, брат его, Князя Туровский и Волыньские. Бояре радовались согласию Государей, и народ благословлял их ревность быть защитниками отечества. Девять дней шло войско степями: Половцы услышали, и бежали от Днепра, бросая жен и детей. Князя, оставив назади обоз, гнались за ними, разбили их, взяли многие вежи на берегах Орели, освободили Российских невольников и возвратились с добычею, с табунами и пленниками, потеряв не более трех человек. Сию добычу, следуя древнему обыкновению, разделили между собою Князя, Бояре и воины. Народ веселился и торжествовал победу в день Пасхи. Скоро, к общему удовольствию, прибыл благополучно и богатый купеческий флот из Греции: Князя ходили с войском навстречу к оному, чтобы защитить купцов от нападения Половцев, еще не совсем усмирненных.

Ни Мстислав, пируя тогда с союзниками под Каневом, ни Киевляне, радуясь победе и товарам Греческим, не предвидели близкого несчастья. Одна из причин оного была весьма маловажна: Князя жаловались на Мстислава, что он, будучи с ними на берегах Орели, тайно посылал ночью дружину свою вслед за бегущими врагами, чтобы не делиться ни с кем добычею. Два Боярина, удаленные Великим Князем от двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьев, уверяя Давида и Рюрика, что Мстислав намерен заключить их в темницу. Легковерие свойственно нравам грубым. Бояре Киевские, знавшие чистосердечие Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословия; но Ростиславичи остались в подозрении и не согласились выдать клеветников брату, говоря: «кто ж захочет

впредь остерегать нас?» В то же время дядя Мстислава, Владимир Андреевич, несправедливо требуя от него новых городов, сделался ему врагом и с негодованием уехал в Дорогобуж. Таким образом Великий Князь лишился друзей и сподвижников, столь нужных в опасности.

Но главною виною падения его было то, что он исполнил желание Новгородцев и, долго медлив, послал наконец сына, именем Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть их мстителем; разорил часть Полоцкой области, сжег Смоленский городок Торопец, пленил многих людей. Андрей Суздальский вступился за союзников и не мог простить Мстиславу, что он, как бы в досаду ему, объявил себя покровителем Новгородцев. Может быть, Андрей с тайным удовольствием видел случай уничтожить первенство Киева и сделаться главою Князей Российских: по крайней мере, оставив на время в покое Новгород, он думал только о средствах низвергнуть Мстислава, издавна им нелюбимого; тайно согласился с Ростиславичами, с Владимиром Дорогобужским, Олегом Северским, Глебом Переяславскими с Полоцким Князем; взял дружину у Владетелей Рязанского и Муромского, ему покорных; собрал многочисленную рать; поручил ее сыну Мстиславу и воеводе Борису Жидиславичу; велел им идти к Вышегороду, где княжил тогда Давид Ростиславич и где надлежало соединиться всем союзникам. Сие грозное ополчение одиннадцати Князей (в числе коих был и юный Всеволод Георгиевич, приехавший из Царяграда) шло с разных сторон к Днепру; а неосторожный Мстислав ничего не ведал и в то же время послал верного ему Михаила Георгиевича, Андреева брата, с отрядом Черных Клобуков к Новугороду: Ростиславичи схватили сего Князя на пути вместе с купцами Новгородскими. Мстислав едва успел призвать Берендеев

и Торков, когда неприятели стояли уже под стенами города; два дня оборонялся мужественно: в третий [8 марта 1169 г.] союзники взяли Киев приступом, чего не бывало дотоле. Сия, по слову древнего Олега, мать городов Российских, несколько раз осаждаемая и теснимая, отворяла иногда Златые врата свои неприятелям; но никто не входил в них силою. Победители, к стыду своему, забыли, что они Россияне: в течение трех дней грабили не только жителей и дома, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола — и добродушный Летописец, желая извинить грабителей, сказывает нам, что Киевляне были тем наказаны за грехи их и за некоторые ложные церковные учения тогдашнего Митрополита Константина!.. Мстислав ушел с братом Ярославом в Волынию, оставив жену, сына, Бояр пленниками в руках неприятельских, и едва не был на пути застрелен изменниками, Черными Клобуками.

Андрей отдал Киев брату своему Глебу; но сей город навсегда утратил право называться столицею отечества. Глеб и преемники его уже зависели от Андрея, который с того времени сделался истинным Великим Князем России, и таким образом город Владимир, новый и еще бедный в сравнении с древнею столицею, заступил ее место, обязанный своею знаменитостию нелюбви Андреевой к южной России.

Андрей властвовал тогда в четырех нынешних Губерниях: Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской; отчасти в Новгородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагал областью Киевскою; повелевал Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими; но Черниговские и Галицкий оставались независимы: Новгород также.

Мстислав Андреевич, утвердив дядю на престоле Киевском, спешил поздравить отца с сим важным завоеванием. Оставленный союзниками, Глеб с беспокойством услышал о множестве Половцев, вступивших в область Днепровскую. Изъявляя миролюбие, Послы их говорили: «Мы не хотим страшить вас; не хотим и вас страшиться. Присягнем же друг другу в любви и согласии!» Но когда Глеб осыпал дарами Половцев на левой стороне Днепра, чтобы скорее удалить опасность от двенадцатилетнего сына своего, Владимира, княжившего в Переяславле, в то самое время другие толпы сих варваров, бывшие у Корсуня, жгли и грабили церковные села, приписанные к Десятинному храму Богоматери. Глеб, не имея готового войска, хотел с малым числом гнаться за разбойниками, которые уже бежали к степям своим; но Берендеи не пустили его. «Государь Киевский (сказали они) не выходит в поле без сильной рати и без союзников. У тебя есть меньший брат и мы, верные слуги». Князь Михаил Георгиевич, взяв 100 Переяславцев и 1500 Берендеев, настиг Половцев; умертвил их стражу и начал битву. Берендеи и тут оказали усердие: схватили за узду коня Михайлова и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идут вперед, оставляя его за собою как твердую опору. «Враги (по словам Летописца) превосходили числом, а наши — мужеством: на всякое копие Русское было десять Половецких». Знаменоносец Михайлов пал в рядах, и неприятели сорвали его хоругвь с древка. Воевода Кяжеский, наткнув на оное шлем свой, бросился вперед и сразил знаменоносца неприятельского. Михаила ранили двумя копьями в бедро, а третьим в руку: Князь не думал о своих ранах, победил и привел в Киев 1500 пленных, освободив великое число Русских невольников.

Еще Глеб не мог княжить спокойно. Изгнанный из Киева Мстислав Изяславич, гордый, воинственный, подобно роди-

телю, считал свое изгнание минутным безвременьем и думал так же управиться с сыновьями Долгорукого, как Изяслав II управлялся с их отцом. Будучи союзником Ярослава Галицкого, он вступил с его полками в область Дорогобужскую, чтобы наказать ее Князя, Владимира Андреевича, ему изменившего. Владимир лежал на смертном одре: города пылали, жителей тысячами отводили в плен; в числе их попался в руки неприятелю и знаменитый пестун Княжеский, Боярин Пук. Напрасно ждал обещанного вспоможения от Глеба, несчастный Владимир умер, и разоренная область его досталась Владимиру Мстиславичу, столь известному вероломством. Сей недостойный внук Мономахов, ознаменованный стыдом и презрением, отверженный Князьями и народом, долго странствовал из земли в землю, был в Галиче, в Венгрии, в Рязани, в степях Половецких; наконец прибегнул к великодушию своего гонителя, Мстислава; вымолил прощение и с его согласия въехал в Дорогобуж, дав обет вдовствующей Княгине и тамошним Боярам не касаться их имения. На другой же день он преступил клятву, отнял у них все, что мог, и выгнал горестную невестку, которая, взяв тело супруга, повезла оное в Киев. Туда шел и Мстислав, усиленный дружинами Князей Городненских, Туровского и Владимира Мстиславича; а нерадивый Глеб, в одно время сведав о кончине Владимира Андреевича и приближении Мстислава, отправил Игумена Поликарпа встретить гроб первого и спешил уехать в Переяславль, ибо сомневался в верности Киевлян. Но Давид бодрствовал в Вышегороде. К нему привезли тело Дорогобужского Князя, оставленное Боярами, которые не смели явиться в Киев, где они недавно злодействовали вместе с Суздальцами. Игумен Лавры, Поликарп, требовал воинов у Давида, чтобы вести за гробом коней Княжеских и держать знамя над оным. «Мертвым нет нужды ни в чести, ни в знаме-